

ЛЕКСЕМА «ПАНСКИЙ» В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Прилагательное *панский* и однокоренные слова (*пан*, *панна* и др.) распространены в русском, белорусском и других славянских языках и, согласно данным этимологических словарей, восходит к польскому *pan* 'господин, владелец, помещик' (ст.-бел. *пань* 'пан, помещик, бог' (1340 г.) < ст.-польск. *pan* 'тж'). По мнению М. Фасмера, *pan* восходит к **gъran* и связано чередованием с др.-рус. *жупань* 'руководитель округа'. В других и.-е. языках этимологи сравнивают это слово с др.-инд. *gōrās* 'пастух, сторож', *gōruāti*, *gōrayati* 'охраняет, оберегает', *gōranat* 'охрана', греч. *γυπή κοίλωμα γῆς*, нов.-в.-нем. *Koben* 'свинарник'. О.Н. Трубочев источник славянского слова видит в др.-иран. *gorān* 'пастух, охранник стада', которое является композитом из *go-* 'бык, корова' и *rā-* – *nomēn agentis* от *rā-* 'охранять' [ЭСБМ].

Лексема *панскі* в белорусском языке известна с 14 в., в русском же первые упоминания датируются 16-м веком [Гарбуль, 2014]. Значение слов *пан*, *панскі* в белорусском и *пан*, *панский* в русском языке совпадают не полностью. В белорусском *панскі* имеет 4 системных значения, связанных с *пан* в значениях 'правитель, монарх', 'аристократ, крупный феодал', 'владелец, хозяин, распорядитель', 'Господь, Бог, Иисус Христос'. Кроме того, необходимо упомянуть, что в Великом Княжестве Литовском в 15-16 вв. постоянно действующим органом центрального правительства была *Рада*, или *паны-рада*. В русском языке за лексемой *пан* закрепилось лишь значение 'помещик, барин' (на землях бывшей Речи Посполитой), а *панский* – непосредственно образованное от неё прилагательное [ГСБМ; Ожегов, Шведова].

Исследователи отмечают, что активное заимствование лексем *пан*, *панский* в русский язык происходило в 16-17 вв., когда в результате различных социально-исторических событий (в первую очередь войн), а также культурных контактов происходило переселение белорусов на территорию Русского государства в его тогдашних границах [Гарбуль, 2014;]. С тех времен на территории России сохранились топонимы в составе с прилагательным *панский*: *Панское* (название деревень в Курской, Ярославской областях), *Большое Панское*, *Малое Панское* (деревни в Тульской области), *Панская* (деревни в Орловской, Рязанской областях), *Панская Слобода* (Ульяновская область) и т.д.

В Беларуси представлено большое количество дошедших до нашего времени географических наименований с компонентом *панскі*, встречающихся во всех регионах: озеро *Панская Струга* (Могилёвская область), озеро *Панское* (в Гродненской, Брестской, Гомельской, Минской областях), *Панский пруд* (Могилёвская, Брестская области), *Панский берег* (Минская область), *Панская* (деревня в Минской области), улица *Панская* (Минская, Витебская области).

Географические наименования с компонентом *панский* являются стилистически нейтральными, в то время как контексты из художественных произведений русских и белорусских авторов отличаются стилистической маркированностью. Негативно-оценочные коннотации присутствуют преимущественно в произведениях советской эпохи (1917-1991 гг.), что обусловлено известными социально-историческими причинами. Лексема *панский* (*панскі*) в это время ассоциировалось с *панами* как представителями угнетающего сословия, с которым боролись и которое старались искоренить: «*Какое добро народу сделали вы вашей хваленой пропагандой, книжонками и листками? – кричал тесть, багровея, размахивая короткими, панскими, по наследству от панов доставшимися ручками*» [НКРЯ, Ю. В. Трифонов. Нетерпение (1973)]; «*А-а, вы думаете, что меня уже взяли, сволочи, панские души!*» [НКРЯ, Н.А. Островский. Рождённые бурей (1934-1936)]; «*Дапомаж Бог вам у прыгодзе! Не царскі біч, не панскі хам, Хай будзе лад ў сваёй гасподзе Ствараць народ-уладца сам*» [БНК, Я. Колас. Да працы! (1917)]; «*...не хацеў паганіць свае чэсныя мазолістыя рукі панскай нячыстай крывёю...*» [БНК, З. Бядуля. Дванаццацігоднікі (1921)].

В белорусской художественной литературе, если рассматривать её вне революционного контекста, лексема *панский* (вероятно, ввиду разнообразия семантики) использовалась и с положительно-оценочными значениями: - ‘высокого качества, необычный’ («*Спраўлю начлег табе панскі*» [БНК, Я. Купала. У Піліпаўку (1908)]); - ‘породистый’ («*А каля кухні пад аконцам Сабакі грэліся на сонцы – Таксама панскае пароды, І ім было жыццё, выгоды*» [БНК, Я. Колас. Новая зямля (1911-1923)]); - ‘деликатный, сдержанный, аккуратный’ («*...прысеўшы на ўслоне, далікатна і з нейкай панскай асцярогаю разадрала з самага беражку руды, прымяты кабэрцік, дастала адтуль скрэманую гранатовым атрамэнтам паперачку*» [БНК, Ц. Гартны. Сокі цаліны (1929)]).

В русской художественной литературе уже в 19 в. лексема *панский* имела преимущественно негативно-оценочные коннотации: пренебрежение, уничижение, сарказм («*Разве можно на панское слово положиться спокойно?*», «*Это ведь не дряблая панская рука, её одним толчком с плеча не стряхнешь!*» [НКРЯ, М. П. Старицкий. Молодость Мазепы // «Московский листок» (1898)]; «*Эх, — подумал я, — бес вас заberi, пуховики да супы, да лежанье одно, да панские рассказы!*» [НКРЯ, Г.П. Данилевский. Беглые в Новороссии (1862)]); «*Мы всчешем тебе хохол курляндскою гребеночкой; мы собьем с тебя панскую спесь, поганый Мазепа!*» [НКРЯ, И. И. Лажечников. Ледяной дом (1835)].

Однако в русском языке были выражения с лексемой *панский*, которые имели и иную стилистическую окраску. В частности, некогда было широко распространено устаревшее в наше время выражение *панский товар* ‘мануфактурный, красный товар’ (т.е. изготовленный не кустарным, а фабричным способом), в котором проявляется ярко выраженное положительно-оценочное значение ‘товар высокого качества’ [Ожегов, Шведова; Ушаков]. Это выражение было распространено в русском языке до 1917 г.: «*Из Ниж-*

него с ярмарки он панского товару забирал, в Казани – татарского мыла прихватывал, в Самаре – пуховых платков оренбургских – и все это вез в низовья и на стоянках по селам и слободам с большим барышом продавал» [НКРЯ, Е.Н. Чириков. На стоянке (1916)]; «Торгуя панским товаром, не раз продавал он Людмиле и ее матери и камку, и парчу, и атлас для вышивки и пленился Людмилою» [НКРЯ, А.Е. Зарин. Двоевластие (1912)]; «В складе два приказчика и один всего прилавок; а полки – простые, как в первой попавшейся лавке с «панским» или «суровским» товаром» [НКРЯ, П. Д. Боборыкин. Однокурсники (1900)]. Об отсутствии первоначальной негативной коннотации свидетельствует и выражение *панский приказ* ‘одно из центральных ведомств (приказов) Московского государства конца 16 – первой четверти 17 века’ (ведал иностранцами на русской службе, выходцами преимущественно из Речи Посполитой и, в частности, из ВКЛ).

Таким образом, лексема *панский* (бел. *панскі*) является заимствованием из польского языка. Можно утверждать, что она проникла в русский язык через посредничество белорусского языка, о чем свидетельствует и время заимствования (для белорусского языка это 14 в., для русского – 16 в.), и исторические процессы (войны, культурные обмены), активно происходившие в ту эпоху. С тех времен сохранилось достаточно большое количество географических наименований на территории России, а ещё больше – на территории Беларуси, в состав которых входит лексема *панский*.

Прилагательное *панский* приобрело в русском языке негативно-оценочные коннотации начиная уже с 19 в., что нашло отражение в художественных произведениях того времени. Особенно усилились негативные коннотации с использованием этой лексемы в советскую эпоху. Однако некоторые выражения, существовавшие ранее в русском языке, имели положительно-оценочную маркированность (*панский товар*) или нейтральную стилистическую окраску (*панский приказ*).

В белорусском языке негативно-оценочные коннотации существовали только в советское время и преимущественно в контекстах, связанных с классовой борьбой и революцией. Вне этих контекстов в дореволюционное время *панскі* использовалось часто с положительно-оценочной семантикой.